

ЭО, 2006 г., № 2

© С.Н. Абашии. Рец. на: *F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union.* Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 367 p.

Окончание "холодной войны" привело к большим переменам в осмыслении западными учеными советской истории, в частности истории "национального вопроса" в СССР. Юрий Слезкин, Терри Мартин, Доминик Арель, Жульетт Кадьо – исследования этих и многих других историков и антропологов самым существенным образом видоизменили восприятие Западом советской национальной политики. В результате ослабления идеологического противостояния мировых держав, либо благодаря появившейся возможности работать в архивах и в "поле" произошел отказ от прямолинейного советологического взгляда на СССР как "тюрьму народов" и "империю зла". Историки нового поколения пришли к выводу, что реформы в Советском Союзе совершались параллельно с преобразованиями в европейских странах в направлении к "современному государству", что советское общество состояло из множества различных социальных и культурных групп, которые были активными участниками всех трансформаций и вносили в них свой вклад, что советская власть не только и не столько угнетала окраины и препятствовала росту национального самосознания, сколько сама

создавала нации и поощряла их развитие. Этот новый подход не является оправданием репрессивной политики и не означает отказ рассматривать специфику советского опыта, но позволяет взглянуть на "национальный вопрос" в СССР с точки зрения более общих процессов, которые шли в мире в XX в.

К числу подобных новых исследований принадлежит вышедшая в 2005 г. книга Фрэнсин Хирш "Империя наций: Этнографическое знание и создание Советского Союза". Автор – американская исследовательница, ассистент-профессор истории в Университете Висконсин-Мэдисон. Она уже известна несколькими статьями, которые вошли в список обязательной библиографии для западных историков и антропологов, специализирующихся по России и СССР (*Hirsch* 1997; 2000; 2003). К сожалению, на русском языке пока не было ее публикаций.

Прежде чем сказать о структуре рецензируемой книги, я дам краткое резюме концепции, которая положена в ее основу.

Ключевая формула, которую Ф. Хирш предлагает для объяснения логики советской национальной политики в 1920–1930-е годы, – *state-sponsored evolutionism*, что можно перевести как "поддерживаемое государством развитие". По ее определению, это советская версия цивилизационной миссии (отсюда термин "империя" применительно к Советскому государству), которая соединила европейскую идею культурного эволюционизма с марксистской теорией экономиче-

ского детерминизма и с ленинским убеждением в том, что революционные деятели могут ускорить исторический прогресс. Свою формулу исследовательница противопоставляет другой, предложенной американским же историком Т. Мартином, согласно которой советская власть в 1920-е и в начале 1930-х годов проводила политику *affirmative action*, или "позитивного действия" (Martin 2001; 2002), т.е. политику целенаправленной поддержки этнических меньшинств и конструирования из них современных наций – иногда в ущерб русскому большинству страны. Хирш утверждает, что "поддерживаемое государством развитие" не было программой "создания нации" и формой "позитивного действия". Цель политики большевиков заключалась в том, чтобы помочь разным культурным группам ускоренно пройти необходимые стадии развития от отсталых племен к национальностям, от национальностей к социалистическим нациям, и далее – уже при коммунизме – к слиянию в единую общность. Именно state-sponsored evolutionism объясняет, как считает автор "Империи наций", почему советская власть в 1920-е годы поддерживала многочисленные национальные проекты, а потом, в 1930-е годы, с ними же боролась, выстраивая централизованную и унифицированную структуру управления.

Анализ советской национальной политики Ф. Хирш связывает с изучением этнографического знания. В книге часто используется выражение "концептуальное завоевание земель и народов", которым автор подчеркивает, что переустройство огромной территории и управление ею совершалось не только с помощью спецслужб или насилия, но и с помощью науки, т.е. процедур и технологий классификации, определения, воображения. Этнографы вместе со своими внутридисциплинарными разногласиями и корпоративными интересами, вместе со своим научным языком и историей становления были вовлечены в процесс трансформаций государственного устройства и оказывали влияние на восприятие властью народов и земель, а соответственно – и на принятие тех или иных политических решений. Конечно, этнография и сама испытывала влияние и давление со стороны власти, меняя свою дисциплину с учетом политических и идеологических обстоятельств.

При этом Ф. Хирш делает важную оговорку, включая в понятие "этнографическое знание" самые разные разделы академической науки, в том числе географию, археологию, физическую антропологию и лингвистику. Более того, в это понятие исследовательница включает локальное знание о землях и народах, которое создавали местные чиновники и краеведы. Такое расширение понятия "этнографическое знание", я бы даже сказал, смешение академической деятельности и интересов местной элиты, может показаться довольно искусственным, но оно позволило автору рассмотреть более широкий контекст споров и проектов национального видения довоенного СССР. Причем автор стремится показать противоречивый характер и разнообразные последствия, которые возникали в ходе взаимодействия власти и знания, дискуссии и конфликты, а вовсе не прямолинейный и заранее определенный путь исполнения политического заказа.

Перейду к структуре книги. Она состоит из трех частей, включающих семь глав.

В первой части "Империя, нация и научное государство" (Empire, Nation, and the Scientific State) Ф. Хирш рассматривает период между 1905 и 1924 г., анализируя те варианты нового обустройства империи, которые обсуждали большевики и их искренние или вынужденные союзники.

В первой главе "К революционному союзу" (Toward a Revolutionary Alliance) сравниваются дебаты большевиков и ученых по поводу "национального вопроса" и говорится о том, как эти две группы пришли к формированию не всегда идиллического "революционного альянса", с помощью которого обе стороны хотели трансформировать Российскую империю в "современное" государство, устроенное на рациональных "научных" принципах. Автор говоря в частности, о создании и деятельности Комиссии по изучению племенного состава населения, показывает, что осуществленный большевиками проект "Союз Советских Социалистических Республик" был результатом не только деятельности небольшого числа партийных лидеров, но и широкого круга имперских экспертов, в том числе этнографов, которые участвовали в этом проекте со своими собственными представлениями о российском обществе.

Во второй главе "Национальная идея versus экономическая целесообразность" (*The National Idea versus Economic Expediency*) анализируются дискуссии об административно-территориальном устройстве Советского государства, в частности спор между сторонниками "этнографической парадигмы", в основу которой был положен "национальный принцип", и сторонниками "экономической парадигмы", которые апеллировали к хозяйственной целесообразности. Как считает Ф. Хирш, в результате был достигнут компромисс и обе парадигмы стали элементами структуры Советского Союза.

Вторая часть "Культурные технологии управления и природа советской власти" (*Cultural Technologies of Rule and the Nature of Soviet Power*) фокусируется на периоде с 1924 по 1934 г. и анализирует "советизацию" Советского государства.

В третьей главе "Перепись 1926 г. и концептуальное завоевание земель и народов" (*The 1926 Census and the Conceptual Conquest of Lands and Peoples*) речь идет о переписи 1926 г. как инструменте, с помощью которого власть сначала консолидировала племена и роды в национальности (народности), а затем последние – в "главные национальности". Ф. Хирш говорит о роли этнографов и других специалистов в проведении переписи, подробно описывает деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения. По ее мнению, после переписи альянс большевиков с имперскими экспертами был разрушен и началась "советизация" академической науки, в том числе этнографии.

В четвертой главе "Размежевание и формирование советских национальных идентичностей" (*Border-Making and the Formation of Soviet National Identities*), рассматривая примеры Белоруссии, Украины и республик Средней Азии, автор подробно исследует процесс разграничения новых административно-территориальных образований – национальных республик и областей, который проходил с учетом этнографической и экономической парадигм, анализирует участие локальных элит в процессе "национального строительства". Главный вывод, к которому приходит Ф. Хирш, – перепись и размежевание, являющиеся "культурными технологиями управления", привели к переосмыслению интересов, создали новую конфигурацию социальных и культурных идентичностей.

Пятая глава «Трансформируя "народы СССР": этнографические выставки и эволюционное время» (*Transforming "The Peoples of the USSR": Ethnographic Exhibits and the Evolutionary Timeline*) посвящена этнографическим экспозициям Русского музея (нынешнего Русского Этнографического музея) как еще одному инструменту, с помощью которого власть пыталась изменить массовое сознание. Изучая принципы устройства экспозиций и споры по этому поводу этнографов, автор показывает сдвиг с первоначальной "экзотизирующей" точки зрения на население окраин бывшей империи к "модернизирующей" точке зрения, предписывающей и официальную номенклатуру национальностей, и облик, который они должны иметь в советском обществе. Изучая восприятие этнографических экспозиций по записям посетителей, Ф. Хирш показала, что посещение музеев превратилось в политическое действие, в акт обучения языку советской идеологии.

В третьей части "Нацистская угроза и ускорение большевистской революции" (*The Nazi Threat and the Acceleration of the Bolshevik Revolution*) говорится о периоде с 1931 по 1941 г., анализируется реакция советского режима на нацизм и германскую расовую науку.

Шестая глава "Поддерживаемое государством развитие и борьба против германского биологического детерминизма" (*State-Sponsored Evolutionism and the Struggle against German Biological Determinism*) посвящена довольно сложному взаимодействию между советской и немецкой науками о человеке, в котором находилось место и совместным исследованиям, и острому идеологическому противостоянию. Советская этнография, доказывая преимущества социоисторического подхода перед социобиологическим и формулируя нерасовое объяснение отсталости некоторых регионов Советского государства, сама трансформировалась и избавлялась от следов биологизма, которые она имела в предшествующие десятилетия.

В последней, седьмой главе "Этнографическое знание и террор" (*Ethnographic Knowledge and Terror*) рассматривается процесс подготовки второй всесоюзной переписи населения, которая

решала задачу преобразования национальностей в советские нации. В ответ на германскую теорию, согласно которой "отсталые", или "низшие", расовые группы не способны к самостоятельному развитию, большевики с помощью переписей 1937/1939 гг. форсировали развитие советских наций и слияние с ними малых этнических групп, демонстрируя успехи, которых способны достичь бывшие "отсталые" народы. В этой же главе Ф. Хирш исследует другое новшество советской власти – внутренние паспорта, которые стали еще одной "культурной технологией управления". Автор показывает, что паспорта, в отличие от переписей, имели иной институциональный фундамент, служили иной цели и использовали иную технологию получения информации о населении. В частности, если перепись основывалась на самоопределении людей по поводу своей национальности, то, согласно инструкции НКВД, национальность в паспорте записывалась по национальности родителей, что было для репрессивного органа способом контролировать и преследовать потенциально опасные и нелояльные группы населения. Но, как считает Ф. Хирш, введение паспортов и появление этой инструкции не говорит о сдвиге от "конструктивистского" подхода к "примордиалистскому" в политическом определении нации. Оба подхода продолжали сосуществовать на протяжении 1920–1930-х годов, находясь в диалоге друг с другом.

В эпилоге автор пытается кратко проследить судьбу советского этнографического знания в послевоенную эпоху, которую она характеризует как период углубления советизации общественных наук. Любопытно, что Хирш говорит о "теории этноса", созданной Ю.В. Бромлеем, как о теории, которая стремится разрушить "примордиалистские" представления. Ф. Хирш отмечает: Ю.В. Бромлей соглашался с тем, что этнические особенности сохраняются на разных стадиях социоэкономического развития, но сама больше подчеркивает ту часть его рассуждений, где советский академик говорил о развитии "этноса" и изменении его в разные исторические эпохи. Такой взгляд на "теорию этноса" не совпадает с тем, как сегодня оценивается "теория этноса", которой приписывается однозначный "примордиализм". Как замечает автор во "Введении", спор о том, имел ли советский режим "конструктивистскую" или "примордиалистскую" концепцию национальности, – беспочвенный, так как "поддерживаемое государством развитие" основывалось и на вере в то, что "примордиальные" этнические группы являются строительными блоками национальностей, и на убеждении в том, что государство может вмешиваться в естественный процесс развития и "конструировать" современные нации.

В заключение я замечу, что не ставил своей целью обсуждение в небольшой рецензии всех поднятых в книге сюжетов, критику тех или иных рассуждений автора, поиск неточностей. Разумеется, при анализе такого большого и сложного труда нельзя избежать споров, замечаний специалистов по отдельным регионам или эпохам, коррекции отдельных фактов. Моя задача была более скромной – попытаться заинтересовать книгой российских этнографов, которые по разным причинам оказались оторванными от западной дискуссии о национальных проблемах в России и об истории советской этнографии. Надеюсь, что хотя бы отчасти мне это удалось сделать.

Литература

- Martin* 2002 – *Martin T.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2.
- Hirsch* 1997 – *Hirsch F.* The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. № 2.
- Hirsch* 2000 – *Hirsch F.* Towards an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 2.
- Hirsch* 2003 – *Hirsch F.* Getting to Know 'The Peoples of the USSR': Ethnographic Exhibits as Soviet Virtual Tourism, 1923–1934 // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4.
- Martin* 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.